УДК 94(093)

А. Н. Пермякова

Записка графа Петра Толстого о ссылке в Соловецкий монастырь

В последнее время исследование дворянства и в особенности его «политической верхушки» стало некоторым трендом как в отечественной, так и зарубежной исторической науке[1]. Вопросы взаимоотношений власти (государства) и общества в период петровских реформ, политической элиты и дворянства в первые десятилетия «усвоения» петровского наследия, так прочно вошедшего в историческую память как эпоха «дворцовых переворотов», не могли оставить исследователей равнодушными. Так, И. В. Курукин рассматривает особенности российского «переворотства» как «своеобразный механизм разрешения противоречий в правящей верхушке», а феномен «дворских бурь», понимается как «довольно устойчивый компонент политической культуры в условиях самодержавия»[2].

Судьбы опальных и ссыльных представителей элиты, как и сами политические процессы конца XVII — первой половины XVIII в. нашли широкое отражение в историографии[3]. Условно работы можно разбить на две группы: «биографичес-

[1] См.: *Анисимов Е. В.* Верхи русского общества начала петровской эпохи // Правящая элита Русского государства IX — начала XVIII в. СПб., 2006. С. 470–497; *Коллман Н. Ш.* Соединенные честью: государство и общество в России раннего нового времени. М., 2001; Дворянство, власть и общество в провинциальной России XVIII века / Ред. О. Глаголева, И. Ширле. М., 2012; Правящие элиты и дворянство России во время и после петровских реформ (1682–1750). М., 2013.

[2] *Волкова И. В., Курукин И. В.* Феномен дворцовых переворотов в политической истории России XVIII–XX вв.// ВИ. 1995. № 5–6. С. 40–61; *Курукин И. В.* Эпоха «дворских бурь»: Очерки политической истории послепетровской России, 1725–1762. Рязань, 2003. С. 7–50.

[3] См.: *Зуев А. С., Миненко Н. А.* Секретные узники сибирских острогов (очерки истории

кие» — посвященные опале конкретных персон, и «институциональные» — изучающие органы сыска и политические процессы первой половины XVIII в.

Дело графа Петра Андреевича Толстого оказалось на перекрестье данных тем. Возглавив Канцелярию тайных розыскных дел, созданную по приказу Петра I для расследования дела царевича Алексея Петровича, в конечном счете ее бывший глава сам был подвергнут опале и ссылке на Соловки. Приговор члену Верховного Тайного совета П. А. Толстому, как и прочим участникам придворного заговора: генерал-полицмейстеру С.-Петербурга А. М. Девиеру, генералу И. И. Бутурлину, генералу А. И. Ушакову и генерал-майору Г. Г. Скорнякову-Писареву, а также обер-церемониймейстеру графу Ф. Санти, желавшим возвести на престол дочерей Екатерины, был вынесен в тот же день, когда императрица «с великим покоем преставилась» — 6 мая 1727 г.[4]

Известно, что умиравшая Екатерина находилась в изоляции — в последние часы ее жизни светлейшему князю А. Д. Меншикову удалось получить от нее резолюцию по розыскному делу, проведенному им в кратчайший срок[5]. Окончательная редакция манифеста о «государственных винах» всех тех, кто «вымышлял злые способы» Петра II «до законного наследия не допустить» была заслушана Советом лишь 26 мая 1727 г., обнародование состоялось на следующий день[6]. Не дожидаясь издания манифеста, все замешанные в данном деле были разосланы по разным российским городам, селам и армейским полкам, а их отписные деревни его императорское величество еще 25 мая 1727 г. «пожаловал разным чинов людям за их славные службы и многие труды в вечное наследие им и потомкам их»[7]. По ведомости, представленной из Сената в Вотчинную коллегию 2 июня 1727 г., за свои «старания» конфискованными имениями Толстого и Девиера были награждены: генерал К. Гохмут (получивший 65 дворов на условии вечной службы и присяги)[8], подполковник Преображенского полка И. И. Дмитриев-Мамонов (93 двора), Алексей Волков (288 дворов)

политической ссылки в Сибири второй четверти XVIII века). Новосибирск, 1992; *Семевский М. И.* Слово и дело государево! СПб., 1884; *Новомбергский Н. Я.* Слово и дело государевы. Т. 1, 2, М., 2004; *Есипов Г. В.* Люди старого века. Рассказы из дел Преображенского приказа и Тайной канцелярии. СПб., 1880; *Голикова Н. Б.* Политические процессы при Петре I. По материалам Преображенского приказа. М., 1957; *Веретенников В. И.* 1) Из истории Тайной канцелярии петровского времени. Харьков, 1910; 2) Из истории Тайной канцелярии. 1731–1762 гг. Очерки. Харьков, 1911; *Анисимов Е. В.* 1) Дыба и кнут: Политический сыск и русское общество в XVIII в. М., 1999; 2) Политический розыск и тайная полиция в XVIII в. // Жандармы России. СПб., 2002. С. 89–200; *Курукин И. В., Никулина Е. А.* Повседневная жизнь Тайной канцелярии. М., 2008.

[4] РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 159. Ч. 1. Л. 42.

[5] См.: *Курукин И. В.* Эпоха «дворских бурь». С. 124–125; *Толстой М.* Краткое описание жизни графа П. А. Толстого // РА. 1896. № 1. С. 27.

[6] Сборник ИРИО. Т. 63. Ч. III. СПб., 1888. № 272. С. 601–604; № 279. С. 615; ПСЗ-I. Т. VII. № 5084.

[7] РГАДА. Ф. 11. Д. 356. Л. 2.

[8] Там же. Л. 2.

и майор С. А. Салтыков (202 двора) и др.[9] Таким образом, частичным раздачам подверглись именно те земли, которые в свое время (13 декабря 1718 г.) сам Толстой получил от Петра «за показанную великую службу... в привезении по рождению сына моего, а по делу губителя отца и отечества», а именно конфискованные ранее у А. Ф. Лопухина и Ф. Дубровского 1318 дворов[10]. К концу жизни Толстой, сокрушенный приговором, униженный лишением всех чинов и званий, вновь оказался ни с чем — его вотчины, разбросанные по 22 уездам, насчитывавшие 12521 душу мужского пола, были «отписаны на государя»[11]. Так горе одних оборачивалось счастьем других, в то время как механизм конфискаций и пожалований, перераспределявший земельные владения среди подданных, обеспечивал их лояльность новой верховной власти.

Толстого решено было послать в Соловецкий монастырь от крепости в тот же день, когда был читан приговор. О сборах графа к месту ссылки мы узнаём из краткой, но уникальной по содержанию записки Петра Андреевича к своим близким с распоряжениями и просьбами о подготовке к его отправке. В данном случае мы обнаруживаем ситуацию, когда ссыльному могли не предоставить времени на сборы, а подобную записку он, вероятно, посылал тайно, через доверенных лиц, второпях, чтобы хоть как-то проститься с родными и обеспечить себе сносное существование в новых условиях, захватив с собой лишь самое необходимое. Толстой отмечает, что к нему дозволено допустить только сына Ивана и его племянника Бориса Ивановича. Его «записка» содержит следующие распоряжения: «...немедленно пришлите малова Яшку с постелею и баулку с бельем, да денех двести рублев, да сто червонных. Так же чем питаться и молитвенник, и псалтырь маленькую и прочее что заблагорассудите. И малова Митьку я возьму с собою — пошлите его борошнишко (барахлишко. — *А. П.*), так же шлапорк мой и поваренного малова, который бы умел есть сварить, а более писать от горести не могу»,— и всё же продолжает писать дальше, вспомнив очередную деталь: «...велите Яшке взять кафтан овчиной черной с камзолом и штанами, а более не знаю что надобно»[12]. Удивительно, что по эмоциональной насыщенности этот краткий документ не уступает развернутому описанию «моей беды» (по выражению Н. Б. Долгорукой), т.е. «Своеручным запискам»[13].

[9] См.: Сборник ИРИО. Т. 69. Ч. 4. СПб., 1889. С. 123; РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 243. Л. 7–13 («Записка о раздаче деревень»).

[10] См.: *Павленко Н. Н.* Птенцы гнезда Петрова. М., 1984. С. 196; *Базарова Т. А.* Семейная переписка Толстых 1720-х годов // Труды Государственного Эрмитажа: [Т.] 71: Наследие Николая Петровича Лихачева: интерпретация текста и образа: материалы научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения академика Николая Петровича Лихачева (1862–1936). СПб., 2014. С. 393.

[11] *Павленко Н.* Н. Указ. соч. С. 196.

[12] РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 215. Л. 1.

[13] Своеручные записки княгини Н. Б. Долгорукой, дочери Г.-фельдмаршала графа Б. П. Шереметева // Безвременье и временщики: Воспоминания об «эпохе дворцовых переворотов» (1720–1760 гг.). Л., 1991.

Переживания, растерянность и сокрушенность графа П. А. Толстого выдает как почерк, так и емкие, эмоционально-насыщенные фразы: «можешь ко мне приехать простится»; «сын мой, Иван, чаю, от печали не может приехать»; «более писать от горести не могу»; «более не знаю что надобно»; «всем моим от меня благословение»[14]. «В петровскую эпоху люди нечасто доверяли бумаге свои переживания, а чувства любви, сочувствия и соболезнования обычно выражали короткими, скупыми фразами»,— отмечает Т. А. Базарова, в то время как Петр Андреевич Толстой, напротив, в своих письмах не скупился на эмоции[15].

В момент составления записки граф Толстой не знал, что его сын Иван будет сослан вместе с ним, и судьба уготовит ему, 82-летнему старику, еще один страшный удар — пережить в заточении своего сына, умершего на несколько месяцев раньше. Однако отец и сын Толстые отнюдь не единственные, кому царским указом было уготовано такое наказание. «Монастырской» ссылке подверглись как женщины из знатных родов, чьи семьи были уличены в государственных преступлениях, так и представители мужского пола, кому ссылка в монастырь под караулом была уготована как наказание, эквивалентное ссылке в Сибирь. Участь монастырского заключения испытали: бывшая царица Евдокия Федоровна Лопухина, царевны Софья и Мария, княжны Елена, Анна и Екатерина Долгорукие, Мария и Анна Волынские, сосланные в различные сибирские монастыри; князь Василий Лукич Долгорукий, граф Платон Иванович Мусин-Пушкин в разное время отбывали наказание на Соловках[16]. Стоит отметить, что основным различием между мужской и женской «монастырской» ссылкой был постриг, который обычно совершался над женщинами, что давало последним право участвовать в жизни монастыря и общаться с другими монахинями, мужчин же ссылали в монастырь под караулом, где келья или специальные тюремные помещения становились их постоянным местом пребывания.

Епископ Архангельский и Холмогорский Макарий свидетельствует: «Соловецкие острова в то время, как и ныне, считались ничем не лучше, если не хуже, отдаленных краев Сибири. Поэтому в Соловецкий монастырь нередко посылались на жительство с братией в трудах или для заключения разные преступники. Для посылаемых в заключение существовало в монастырских стенах множество тюрем, устроенных в земле и на земле, совершенно темных, холодных и сырых и с некоторым светом и теплом»[17]. В одной из них влачили свое существование отец и сын Толстые. До конца неясно, были они помещены в разные помещения или находились в одном, но в инструкции конвойному офицеру нет распоряжения о содержании их порознь.

[14] РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 215. Л. 1 об.

[15] Т. А. Базарова проанализировала семейную переписку Толстых, отложившуюся в Научно-историческом архиве СПбИИ РАН в собрании Н. П. Лихачева (кол. 238) (См.: *Базарова Т.* А. Семейная переписка Толстых 1720-х годов. С. 394).

[16] См.: *Фруменков Г. Г.* Узники Соловецкого монастыря. Политическая ссылка в Соловецкий монастырь в XVIII–XIX веках. Архангельск, 1965.

[17] *Макарий.* Последние дни графов Петра и Ивана Толстых // ЧОИДР. 1880. Кн. 3. С. 35.

В Соловки ссыльные были доставлены 18 июня 1727 г. под внушительным конвоем из обер-офицеров: Смирнова, Меньшуткина, Истомина, Рублева, Деньгина и 90 человек солдат. Помещены были изможденные дорогой ссыльные в наземную тюрьму, что можно расценивать как акт доброй воли, хотя некоторые из тюрем, находившихся на поверхности, были ничуть не лучше подземных ям. По замечанию епископа Макария, «тюрьма эта находилась в монастыре по правую сторону святых ворот; она служила для графов Толстых предварительным гробом и свела их в могилу»[18]. Причиной скорой гибели ссыльных стали условия их жизни: в камере заключения постоянно царила «темнота, теснота и нечистота; также сырость и губительная атмосфера»[19]. Содержали ссыльных строго, первоначально силами прибывшего с ними конвоя, а затем надзирателями над Толстыми стала стража из монастырских стрельцов. Входить в камеру к заключенным мог только караульный офицер, общение с кем-либо из братии воспрещалось, говорить ссыльные могли только с офицером (по делу) и со своим человеком, прибывшим с ними из столицы. Пропитание было скудным, состояло из нескольких блюд от трапезы иноков-постников и не могло удовлетворить привычкам привилегированных особ, тем более что кормили их один-два раза в сутки, а тяжелые условия содержания неизменно требовали богатого витаминами, белками и минеральными веществами рациона питания. После смерти узников братия стала почитать Толстых праведниками. Синодики свидетельствуют, что над могилами страдальцев ежегодно 29 июня совершалась панихида и в монастырских церквах «имя усопших возносилось на эктениях»[20].

Интерес представляет роспись имущества Толстых, перешедшего к монастырю после их смерти: «Денег 16 червонцев. Посуды серебряной: лохань с рукомойником, поднос с двумя чашками, три ложки, кружка, два шандала с футляром, одни щипцы, урыльник с крышкой, солонка,— всего серебра 15 фунтов. — Часы золотые, карманные с цепочкой. Часы серебряные карманные с серебряным плетешком и двумя печатями и золотой при них ключ. Две табакерки серебряные, две пары запонок золотых со вставками. Три пары ножей с серебряной приправой. Оловянной посуды: семь блюд, дюжина тарелок, кружка,— всего 35 фунтов. Платья. Две шубы лисьи под красным сукном ветхие, из коих у одной на полах и рукавах серебряный позумент. Епанча холодная, две пары черных кафтанов, камзол и штаны ветхие, сюртук, четыре шапки ветхие и т.д. всё ветхое в одном большею частью экземпляре»[21]. Сопоставляя данный перечень с «запиской», мы можем видеть, что Толстым удалось взять с собой в «монастырскую» ссылку исключительно предметы ежедневного обихода.

«Записка» хранится в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА), в фонде 11 (Переписка разных лиц). Текст написан скорописью

[18] *Макарий*. Последние дни графов Петра и Ивана Толстых. С. 35.

[19] Там же. С. 35.

[20] Там же. С. 38.

[21] Список имения Толстых в Соловецком монастыре // ЧОИДР. 1880. Кн. 3. С. 38.

начала XVIII в., очень неразборчиво, почерк размашистый, некоторые буквы имеют нехарактерное написание. Сопоставляя данный почерк с другими его письмами, отложившимися в собрании Н. П. Лихачева (Русская секция архива СПбИИ РАН. Кол. 238), можно предположить, что П. А. Толстой писал «записку» собственноручно[22]. Основанием датировки может служить содержание «записки». Так, документ датирован в соответствии с указом Екатерины I о ссылке графа Толстого в Соловецкий монастырь — 6 мая 1727 г. Текст ранее не публиковался. Составляя статью о графе П. А. Толстом для Русского биографического словаря, Н. П. Павлов-Сильванский сделал обширную цитату «записки», пропуская без обозначения значительные фрагменты текста и не указав места хранения автографа[23].

Учитывая, что политические процессы XVIII в. скупы на материалы личного происхождения (многие архивы опальных представителей петровской эпохи дошли до нас лишь «чудом» или же вовсе были утрачены)[24], а большинство документов представляют собой формализованные источники, различные «репорты», докладные записки, инструкции Сената, челобитные, указы и приговоры, считаем целесообразным привести здесь эту «записку». В то время как большинство источников не «говорят», а «докладывают», публикация указанной «записки» Толстого представляет собой особую ценность. Простота, с которой он пишет своему племяннику, его просьбы к Борису Ивановичу дают представление о ценностных ориентирах человека старомосковской и петровской эпохи.

1727 г. мая 6. — Записка к Борису Ивановичу Толстому

(л. 1) По указу Ея Императорского Величества, кавалерии и шпаги с меня снять и велено меня послать в Соловецкий[25] монастырь от крепости прямо сего дня. Того ради, Борис Иванович, можешь ко мне приехать простится? А сын мой, Иван, чаю, от печали не может[26] приехать. А вас обоих велено ко мне допустить.

И немедленно пришлите малого[27] Яшку с постелью и баулку с бельем, да денег[28] двести рублев, да сто червонных, так же, чем питаться и молитвенник, и псалтырь маленькую, и прочее, что заблагорассудите. // (л. 1 об.) И малого Митьку я возьму с собою, пошлите его барахлишко[29], так же шлапорк мой,

[22] Фотоизображение одного из писем П. А. Толстого к сыну П. П. Толстому представлено в статье Т. А. Базаровой (*Базарова Т. А.* Семейная переписка Толстых. С. 391).

[23] *Павлов-Сильванский Н. П.* Неопубликованные материалы к РБС. Т. 27. М., 1999. С. 90.

[24] См.: *Подъяпольская Е. П.* Об истории и научном значении издания «Письма и бумаги императора Петра Великого» // АЕ за 1972 г. М., 1974. С. 59; *Базарова Т. А.* Семейная переписка Толстых 1720-х годов. С. 390–391.

[25] *В записке:* Соловецкой.

[26] *В записке:* можот.

[27] *Здесь и далее в записке*: малова.

[28] *В записке*: денех.

[29] *В записке:* борошнишко.

и поваренного малого, который бы умел есть сварить. А более писать от горести не могу.

Велите Яшке взять кафтан овчиной черной с камзолом и штанами, а более не знаю, что надобно.

Впрочем, всем моим от меня благословение.

РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 215. Л. 1–1 об. Подлинник

References:

Anisimov E. V. Dyba i knut: Politicheskii sysk i russkoe obshchestvo v XVIII v. M., 1999. [Dyba and whip: Political investigation and Russian society in the XVIII century. M., 1999.]

Anisimov E. V. Politicheskii rozysk i tainaya politsiya v XVIII v. // Zhandarmy Rossii. SPb., 2002. S. 89–200. [Political wanted list and the secret police in the XVIII century // Russian gendarmes. SPb., 2002. P. 89–200.]

Anisimov E. V. Verkhi russkogo obshchestva nachala petrovskoi epokhi // Pravyashchaya elita Russkogo gosudarstva IX — nachala XVIII vv. SPb., 2006. S. 470–497. [Tops of Russian society at the beginning of the Petrine era // The ruling elite of the Russian state IX — beginning of the XVIII century. SPb., 2006. P. 470–497.]

Bazarova T. A. Semeinaya perepiska Tolstykh 1720-kh godov // Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha: [T.] 71: Nasledie Nikolaya Petrovicha Likhacheva: interpretatsiya teksta i obraza: materialy nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 150-letiyu so dnya rozhdeniya akademika Nikolaya Petrovicha Likhacheva (1862–1936) / Gosudarstvennyi Ermitazh. SPb., 2014. S. 390–399. [Tolsty's family correspondence in the 1720s // Proceedings of the State Hermitage: [T.] 71: Legacy by Nikolai Petrovich Likhachev: interpretation of the text and image: Materials of scientific conference devoted to the 150th anniversary of the birth Academician Nikolai Petrovich Likhachev (1862–1936) / The State Hermitage Museum. SPb., 2014. P. 390–399.]

Dvoryanstvo, vlast' i obshchestvo v provintsial'noi Rossii XVIII veka / Red. O. Glagoleva, I. Shirle. M., 2012. [The nobility, authority and society in the provincial Russia of the XVIII century / Eds. O. Glagoleva, J. Shirley. M., 2012.]

Esipov G. V. Lyudi starogo veka. Rasskazy iz del Preobrazhenskogo prikaza i Tainoi kantselyarii. SPb., 1880. [People of old age. Stories of the cases of the Preobrazhensky order and of the Secret Chancellery. SPb., 1880.]

Frumenkov G. G. Uzniki Soloveckogo monastyrya. Politicheskaya ssylka v Soloveckij monastyr v XVIII–XIX vekax. Arkhangelsk, 1965. [The prisoners of the Solovetsky Monastery. Political exile to the Solovetsky Monastery in the XVIII–XIX centuries. Arkhangelsk, 1965.]

Golikova N. B. Politicheskie protsessy pri Petre I. Po materialam Preobrazhenskogo prikaza. M., 1957. [Political processes under Peter I. According to the materials of the Preobrazhensky order. M., 1957.]

Kollman N. Sh. Soedinennye chest'yu: gosudarstvo i obshchestvo v Rossii rannego novogo vremeni. M., 2001. [United honored: State and Society in Early Modern Russia. M., 2001.]

Kurukin I., Nikulina E. Povsednevnaya zhizn Tajnoj Kancelyarii. M., 2008. [Everyday life of the Secret Office. M., 2008.]

Kurukin I. V. Epokha «dvorskikh bur'»: Ocherki politicheskoi istorii poslepetrovskoi Rossii, 1725–1762. Ryazan', 2003. [The era of «Dvorsky storms»: Essays on the political history of post-Petrine Russia, 1725–1762. Ryazan, 2003.]

Makarij. Poslednie dni grafov Petra i Ivana Tolstykh // CHODR. 1880. Kn. 3. [The last days of count Pyotr and Ivan Tolstoy // CHOIDR. 1880. Book 3.]

Novombergskii N. Ya. Slovo i delo gosudarevy. T. 1, 2. M., 2004. [Sovereign's word and deed. Vol. 1, 2. M., 2004.]

Pavlenko N. I. Ptency gnezda Petrova. M., 1984. [The chicks of Peter's nest. M., 1984.]

Pavlov-Silvanskij N. P. Neopublikovannye materialy k RBS. T. 27. M., 1999. [Unpublished materials to the Russian Biographical Dictionary. Vol. 27. M., 1999.]

Pravyashchie elity i dvoryanstvo Rossii vo vremya i posle petrovskikh reform (1682–1750). M., 2013. [The ruling elite and the nobility of Russia during and after the reforms of Peter the Great (1682–1750). M., 2013.]

Semevskii M. I. Slovo i delo gosudarevo! SPb., 1884. [Sovereign's word and deed! SPb., 1884.]

Svoeruchnye zapiski knyagini N. B. Dolgorukoi, docheri G.-fel'dmarshala grafa B. P. Sheremeteva // Bezvremen'e i vremenshchiki: Vospominaniya ob «epokhe dvortsovykh perevorotov» (1720–1760 gg.). L., 1991. [Svoeruchnye notes of princess N. B. Dolgorukaya, the daughter of general-fieldmarshal count B. P. Sheremetev // Timelessness and timeservers: Memories of the «era of palace coups» (1720–1760 gg.). L., 1991.]

Veretennikov V. I. Iz istorii Tainoi kantselyarii petrovskogo vremeni. Khar'kov, 1910. [From the history of the Secret Chancellery of Peter's time. Kharkov, 1910.]

Veretennikov V. I. Iz istorii Tainoi kantselyarii. 1731–1762 gg. Ocherki. Khar'kov, 1911. [From the history of the Secret Chancellery. 1731–1762 years. Essays. Kharkov, 1911.]

Volkova I. V., Kurukin I. V. Fenomen dvortsovykh perevorotov v politicheskoi istorii Rossii XVIII–XX vv. // VI. 1995. № 5–6. S. 40–61. [The phenomenon of palace revolutions in the political history of Russia XVIII–XX centuries // Questions of History. 1995. N 5–6. P. 40–61.]

Zuev A. S., Minenko N. A. Sekretnye uzniki sibirskikh ostrogov (ocherki istorii politicheskoi ssylki v Sibiri vtoroi chetverti XVIII veka). Novosibirsk, 1992. [Secret prisoners of the Siberian burgs (essays on the history of political exile in Siberia, the second quarter of the XVIII century). Novosibirsk, 1992.]

Список литературы

Анисимов Е. В. Верхи русского общества начала петровской эпохи // Правящая элита Русского государства IX — начала XVIII в. СПб., 2006. С. 470–497.

Анисимов Е. В. Дыба и кнут: Политический сыск и русское общество в XVIII в. М., 1999.

Анисимов Е. В. Политический розыск и тайная полиция в XVIII в. // Жандармы России. СПб., 2002. С. 89–200.

Веретенников В. И. Из истории Тайной канцелярии петровского времени. Харьков, 1910.

Веретенников В. И. Из истории Тайной канцелярии. 1731–1762 гг. Очерки. Харьков, 1911.

Волкова И. В., Курукин И. В. Феномен дворцовых переворотов в политической истории России XVIII–XX вв. // ВИ. 1995. № 5–6. С. 40–61.

Голикова Н. Б. Политические процессы при Петре I. По материалам Преображенского приказа. М., 1957.

Дворянство, власть и общество в провинциальной России XVIII века / Ред. О. Глаголева, И. Ширле. М., 2012.

Есипов Г. В. Люди старого века. Рассказы из дел Преображенского приказа и Тайной канцелярии. СПб., 1880.

Зуев А. С., Миненко Н. А. Секретные узники сибирских острогов (очерки истории политической ссылки в Сибири второй четверти XVIII века). Новосибирск, 1992.

Коллман Н. Ш. Соединенные честью: государство и общество в России раннего нового времени. М., 2001.

Курукин И., Никулина Е. Повседневная жизнь Тайной Канцелярии. М., 2008.

Курукин И. В. Эпоха «дворских бурь»: Очерки политической истории послепетровской России, 1725–1762. Рязань, 2003. С. 7–50.

Макарий. Последние дни графов Петра и Ивана Толстых // ЧОИДР. 1880. Кн. 3.

Новомбергский Н. Я. Слово и дело государевы. Т. 1, 2. М., 2004.

Павленко Н. И. Птенцы гнезда Петрова. М., 1984.

Павлов-Сильванский Н. П. Неопубликованные материалы к РБС. Т. 27. М., 1999.

Правящие элиты и дворянство России во время и после петровских реформ (1682–1750). М., 2013.

Своеручные записки княгини Н. Б. Долгорукой, дочери Г.-фельдмаршала графа Б. П. Шереметева // Безвременье и временщики: Воспоминания об «эпохе дворцовых переворотов» (1720–1760 гг.). Л., 1991.

Семевский М. И. Слово и дело государево! СПб., 1884.

Фруменков Г. Г. Узники Соловецкого монастыря. Политическая ссылка в Соловецкий монастырь в XVIII–XIX веках. Архангельск, 1965.